

БУРУНДУК

Бригада монтажников из пяти человек сидела за обеденным столом. Временный стол смастерили из большого деревянного ящика, перевернули его, положив сверху кусок ДСП.

За спиной — плотная стена леса, рядом — подстанция, которую ребята монтировали.

Внимание привлек непривычный для человека свист. Монтажники оглянулись на странный звук в сторону леса. На старом пне стоял полосатый бурундук, передними лапками натирал свою красивую мордочку. Спрыгнув с пенька, он несколько раз обежал стол, за которым сидели люди. А когда рабочие ушли, стал поедать оставленные крошки.

На следующий день на столе для лесного гостя оставили горсть семечек. Зная, что бурундук придет и на третий день, самый молодой монтажник Санька принес ему горсть кедровых орешек. Маленький полосатый пушистый зверек, не дожидаясь приглашения, запрыгнул на стол и стал собирать орешки. А когда на столе появилась горка сушеных орехов, он, не раздумывая, набил их за обе щеки. Потом спрыгнул со стола и убежал в сторону леса. Перетаскав в свое хранилище все орехи, вернулся, залез на пенек и свистом как бы отблагодарил добрых людей.

Так с тех пор и повелось.

Стоило монтажникам приняться за еду, гость появлялся тут же. Бегал по столу, таскал орехи. Через неделю, осмелевший, привыкший к людям, он стал набивать щеки орехами прямо с Сашкиной руки.

На столе стояла пустая банка из-под сгущенки. Любопытства ради бурундук обнюхал банку, встал на задние лапки и запрыгнул в нее. Банка опрокинулась, под смех монтажников покатилась по столу, упала на землю. Перепуганный, вымазанный сгущенкой бурундук пулей убежал в лес. Сашка развел руками: «Все, мужики, больше не придет».

Однако на следующий день бурундук появился на столе раньше времени. Залез на неоткрытую банку сгущенки и, стоя на задних лапах, стал насвистывать, словно говоря, что пора обедать.

Когда монтажники уезжали, складывали оснастку и инструменты в свою вахтовку, Сашка все посматривал на лес. Вдруг послышался радостный его крик: «Мужики! Полосатик пришел нас провозжать».

Сашка пошел к бурундуку, насыпал ему на пенек оставшиеся в кармане орехи. Подставил руку, полосатый залез на Сашкину ладонь, а кто-то из мужиков крикнул: «Сашка, забирай зверя с собой, в вахтовке жить будет!»

Однако Сашка, опуская зверька на землю, с горечью тихо выдавил: «Жалко расставаться с полосатиком, но он лесной житель и его дом — это его лес».

Бурундук побежал следом за Сашкой, запрыгнул на стол. Но, услышав резкий, прорывающий сигнал вахтовки, сиганул в тайгу и скрылся.

БРОШЕННЫЙ МИШКА

На севере Горного улуса на участке Маай, где строится комплекс по переработке пищевых продуктов, бригада монтажников собралась за обеденным столом. Вдруг их трапезу нарушил стук в окно соседней комнаты.

Монтажники переглянулись. Самый молодой из сидящих за столом, Серега, сострил, обращаясь к бригадиру: «Эй, бугор, ты вроде говорил, что здесь нет медведей. Теперь что скажешь? Слышишь, стучит один в окно!»

Стук стал настойчивей. А кругом лес да несколько старых, брошенных до самой весны двухквартирных домов...

Бригадир не выдержал, встал из-за стола, вышел на улицу и огляделся: на высокой завалинке стоял на задних лапах забытый людьми, исхудавший черно-белый кот. Одной лапой он держался за подоконник, другой — стучал по оконному стеклу.

Бригадир сгреб в охапку дрожащего от холода беднягу и, занеся в дом, посадил посреди комнаты: «Принимай, братва, косолапого мишку!» Так в бригаде появился новый член, которого немедленно поставили на довольствие.

Первые два дня Мишка (так называли кота) буквально выхватывал из рук любую пищу, будто злая собачонка. Но через неделю он привел себя в порядок: шерсть заблестела, огромные зеленые глаза повеселели.

Мишку полюбила вся бригада. Ласковый кот оказался умным и чистоплотным. Всех вошедших он встречает у порога, идет следом и садится у ног, словно говоря: «Возьмите меня, бедного, на руки, я так истосковался по человеческой ласке!»

Утром его выпускают погулять, и, если случайно забывают на улице, он запрыгивает на завалинку и барабанит в окно до тех пор, пока кто-нибудь не откroет дверь.

В еде вкусы у него весьма необычные для кота. Выяснилось это совершенно случайно: стоило кому-нибудь из ребят сесть чистить картошку, Мишка пристраивался рядом и начинал потихоньку воровать очистки. Тогда ребята провели эксперимент: монтажник Пашка взял в одну руку ломтик картошки, в другую — кусочек мяса и позвал кота. Тот подошел, встал на задние лапы, осторожно взял мясо, отнес его в свой угол и тут же вернулся за картошкой, которую с жадностью стал поедать прямо у Пашкиных ног. После этого Мишку и стали кормить картофельными ломтиками. Кстати, не отказывается он и от морковки.

Долгими вечерами, когда вся бригада из четырех человек собирается вместе, Мишка своей игривой лаской не обходит никого: то потрется о ноги одного, то залезет на колени к другому, а перед третьим сядет и глядит своими зелеными глазами до тех пор, пока его не возьмут на руки или не угостят чем-нибудь вкусненьким.

...Пройдет совсем немного времени, монтажники уедут, опустеет дом, в котором сейчас живет бригада, а у меня, старика, сердце сжимается от мысли, что Мишка опять останется брошенным в глухом лесу один на один со своей кошачьей судьбой.

ЧЕРЕЗ МЕТЕЛЬ НАД ЯМАЛОМ

Нашу вахту перекинули к геологам на полуостров Гыданский. Отработав положенное, мы возвращались на отдых, как вдруг на полуострове Ямал пассажиров застигла непогода. Стояла полярная ночь. Высадив нас возле здания аэропорта «Мыс-Каменный», Ми-6 ушел на дозаправку. Мы отправились в помещение. Под открытым небом, пожалуй, теплее...

Народ сбился в тесные кучки, тщетно пытаясь согреться. Не спасала даже меховая ненецкая одежда, судя по тому, что людям долго на одном месте не сиделось. Ходили из угла в угол, притопывая, затевали шуточную борьбу, бодрствовали, несмотря на поздний час.

...Вьюжило уже два дня. Мы так и не поняли, зачем нас тут высадили. Просидели в каменном склепе больше суток. Время от времени кто-нибудь шел к диспетчеру узнать о погоде. Каждый очередной гонец возвращался с неутешительной вестью.

Молча взглянув друг на друга, в который уж раз устраивались поудобней, закрывали носы пуховыми варежками. Но что толку, даже если спрячешь нос в расстегнутый ворот куртки, а капюшон натянешь до самой бороды? Стыли ноги на бетонном полу, он был холоднее холодного. Снаружи — кромешная темнота, но уже начиналось второе утро наших испытаний на выживание в Богом забытом аэропорту. Не будь пронизывающего ветра, который вольно гулял по взлетной полосе и всему поселку, лучше бы сидеть, закопавшись в глубокий снег. Однако покидать аэропорт не позволяет инструкция.

Утро всегда приносит что-то новое. Дошла информация, что в гостинице аэропорта отдыхает, а на самом деле томится, летный экипаж. В Салехарде в роддоме в тяжелом состоянии находится жена командира, сообщения оттуда поступают очень неутешительные. А здесь, в медпункте Мыс-Каменного, в ожидании санитарного борта вторые сутки мается другая роженица. Видимость нулевая.

Окольными путями узнаем, что готовится к вылету грузовой Ан-26, пассажиров не берут. Но не зря говорят: «Ты — мне, я — тебе». Несколько килограммов хорошей рыбы — в ответ «добро» оформить две тонны груза. И вот вся наша группа из шести человек Гыданской вахты заняла места на борту Ан-26, выполняющего специальный рейс Мыс-Каменный — Салехард. Тут же устроили на носилках заботливо укрытую теплой одеждой беременную женщину, при ней — сопровождающая медсестра.

Долгое время спустя командир добился-таки вылета на свой страх и риск. Мыс-Каменный был закрыт, а Салехард принимал. Пилот считался асом северных трасс, имел большой опыт полетов в сложных условиях. Потому, должно быть, и разрешили взлет.

Три часа болтанки в небесной круговерти.

Приподнятое настроение убито известием, что Салехард закрыли. Тем временем у женщины явно начались предродовые схватки, видно было, как она мучается, колотится под грудой одежды.

В салон вышел сам командир. Такое выражение лица увидишь редко, решимость понятна без слов. За то время, что мы оформляли документы, осторожно поднимали роженицу и грузились сами, успели познакомиться. Подмигнув нам по-свойски, он, как бы шутя, изрек: «Ну что, братишки, рискнем упасть?» Мы молча дали понять, что согласны на риск.

...Всем нутром своим ощутили, как самолет сбрасывает высоту и идет на посадку. Командир встал, дал нам знак рукой: не дрейфь, мол, мужики, прорвемся! Кабина плотно закрылась дверью, каждый погрузился в свои думы. Мы не первый год летали по Северу и понимали, что значит садиться на полосу без согласия дис-

петчера. И все-таки «добро» на посадку дали: на борту в критическом состоянии находилась женщина.

Механик еще раз подошел к медсестре, встал возле роженицы на колени, а сестра что-то яростно кричала ему прямо в ухо. Он кивал головой, соглашаясь. Потом поднялся и, проходя мимо нас, показал рукой, что заходим на посадку.

Сколько мы ни вглядывались в иллюминаторы, не увидели долгожданных огней города Салехарда, не светились в темноте и огни посадочной полосы. Ощутимый толчок дал понять: шасси коснулись земли.

Но вновь взревели всей своей мощью двигатели, и самолет резко пошел вверх. Порывы сильнейшего бокового ветра не позволили благополучно приземлиться. Как будто что-то оборвалось внутри... Молчим.

В дверь кабины выглянул механик. Через несколько минут самолет снова начал сбрасывать высоту. Роженица почему-то притихла, видно было, как за нее или сама за себя переживает совсем молоденькая сестричка.

Еще одна попытка оказалась неудачной. Едва коснувшись шасси о полосу, самолет, взревев двигателями, снова взмыл в небо, в невидимую бездну непогоды. Все в холодном поту, мы старались не смотреть в глаза друг другу. Каждый был занят своими нехорошими мыслями.

В третий заход ждали как должного: вот сейчас он ширкнет — и опять взлет. Тогда-то уж что-нибудь изменится, отправят на запасной аэродром. Но случилось чудо: на этот раз колеса ритмично застучали по тверди полосы. Гася скорость, монотонно зашумели двигатели. Замелькали какие-то фонари, появились машины, люди, прячущие лица от жгучего ветра. Самолет выписал круг, подруливая к зданию аэропорта, где на бровке поля его поджидала «скорая помощь».

Мы помогли нашим вконец измученным полутчицам устроиться в салоне «скорой», пожелали им всего хорошего. Распрощались с экипажем и направились в здание аэровокзала в состоянии, понятном лишь тем, кто сам бывал в подобной передрыге. У входа услышали голос диктора: «Вылет до Мыс-Каменного отменяется в связи с метелью». С нами кто-то здоровался, кто-то дружески хлопал по спине. Но мы долго еще не могли прийти в себя.

...И никто в тот час предположить не мог, сколько других рискованных полетов ожидает нас впереди. Работали мы тогда в десантной вахте «Арктика».

